

Тао Му несколько раз следил за ходом съемок, прежде чем не смог больше терпеть. Он знал, что съемки этой программы равносильны тому, чтобы вскрыть шрам, который старик Сонг скрывал десятилетиями, яростно разорвать его и выставить на всеобщее обозрение самую мягкую окровавленную часть.

Он не знал, были ли его действия правильными или нет. Даже если его первоначальным намерением была месть семье Яо, и он хотел рассказать всему миру о гадких поступках семьи Яо, чтобы все узнали, как Яо Шэньян неблагодарно отплатил семье Сонг за доброту. Но если бы эта месть была основана на боли старика Сонга, был ли бы смысл в ее осуществлении?

В конце концов, именно господин Сонг вытащил Тао Му на честный разговор.

Сонг Даожэнь лично приготовил восемь блюд и два кувшина вина. Они сидели в главной комнате и, повернув головы, увидели, что за окном по-прежнему пышно растет старая саранка.

Господин Сонг сказал, что он никогда не забывал старые вещи в своей жизни. Он не мог заснуть каждую ночь, и когда ему снились глубокие сны, они были о семье Сонг. Его отец и мать, сын, которого он никогда не видел, и процветающая сцена, когда старейшины собирались вместе.

Он сказал, что даже если бы не было программы Тао Му, он все равно не смог бы преодолеть это препятствие в своем сердце. Поэтому он был очень благодарен Тао Му за то, что тот устроил такую передачу и хотя бы дал ему возможность поговорить об этом. Как подавляемая магма в вулкане, наконец-то появилась возможность вырваться наружу.

После этого вечера Тао Му еще раз посетил учителя Бай Аня, который отвечал за дубляж документального фильма, и учителя Пу Линкана, который писал копирайт для документального фильма.

Он пригласил их к Сонг Чжи, господин Сонг сам приготовил стол с хорошими блюдами и сопроводил их двумя кувшинами теплого белого вина. Пока ели и пили, они могли обсудить, что делать дальше в сериале.

Бай Ань и Пу Линкан с чувством говорили, что то, что они ели и пили во время этой трапезы, имело особый вкус жизни. Пу Линкан сказал, что до того, как он пришел, у него в голове уже был проект. Но после этой трапезы, главной причиной которой было то, что после общения с господином Сонгом во время трапезы, у него появилось другое восприятие.

Так называемое "Слушать вашу речь лучше, чем учиться десять лет". Бай Ань с волнением повторил эти слова. Они говорили о том, что города развиваются все быстрее и быстрее, а экономика с возрастом становится все более развитой. Молодые люди уже приспособились к стремительному образу жизни и уделяли внимание эффективности во всем, что делали. Но из-за этого они утратили гуманистические чувства, присущие медленным и неторопливым временам. Сегодня в Сон Чжи, в этом, казалось бы, старом, но простом и чистом ресторане, они наконец-то вновь почувствовали атмосферу тех лет.

В результате этой трапезы оба учителя и господин Сонг понравились друг другу с первого взгляда. В конце концов, Тао Му стал практически невидимкой. Они втроем с удовольствием дегустировали вино и обсуждали чай, совершенно забыв о существовании Тао Му.

Бай Ань даже предположил, что для этого документального фильма не стоило просить его, отставного ведущего национального телеканала, вести рассказ, а пусть старик Сонг использует свой собственный голос. Такие превратности и мягкость, с простым акцентом старого пекинского акцента, когда речь идет о радостях и печалях, взлетах и падениях. Только тогда возникнет ощущение записи жизни и ее различных чувств.

Пу Линкан постучал палочкой по чашке и с удовольствием поддержал ее. Старшее поколение художников действительно говорило о чувствах, а не о зарабатывании денег на чувствах. Их идеи могли не совпадать с общими ценностями интересов бизнесменов, но в плане эмоциональной передачи они были определенно более квалифицированы, чем Тао Му.

Два старых художника даже предложили Тао Му помочь им проверить сценарий, исключив из него все заведомо сенсационные и скрытые колкости, и дать господину Сонгу говорить максимально просто и прямо. Когда зрители слушали его, они испытывали более глубокое эмоциональное волнение.

Как гласит старая поговорка, зрители видят гораздо яснее, чем игроки. Иногда для того, чтобы люди в игре делали все возможное для выживания, не было лишних эмоций, чтобы вздохнуть о жизни. Только сторонние наблюдатели могли почувствовать больше смысла от этих шокирующих историй.

Пу Линкан сказал Тао Му: Так называемое "оставление пустоты" иногда было лучше, чтобы сублимировать тему. В это время молчание было лучше звука, и только когда оно заставляло других постоянно помнить о нем, возникало эхо.

Если вы просто выкладывали все, то смысл терялся.

— О чем больше всего жалеешь в жизни? - Пу Линкан с чувством сказал: — Это не желание чего-то, но невозможность получить это, это невозможность преодолеть что-то.

Желать чего-то, но не иметь возможности получить это в этой жизни, было подобно отражению цветов в зеркале или отражению луны в озерной глади. Мираж, на который можно было смотреть только издали; невозможность получить что-то, относилась к тому, что должно было принадлежать тебе, но в итоге не принадлежало.

Тао Му был ошеломлен. Как и в прошлой жизни, когда он впервые встретил Шэнь Юя и узнал, что Шэнь Юй происходит из обеспеченной семьи, и его любят родители и члены семьи. Хотя он завидовал ему, он чувствовал себя спокойно, потому что это было то, чего он не мог получить в этой жизни. Позже, когда он узнал, что все, что касается Шэнь Юя, должно принадлежать ему, что он восемнадцать лет по ошибке страдал на месте другого, был ненавидим, неприемлем или непонятен всем, и в результате не мог с этим смириться. Он чувствовал себя так, словно его

сердце многократно терзали на сковороде, не в силах ни поднять его, ни отпустить.

Если так подумать, то неспособность смириться с чем-то действительно была более душераздирающей, чем желание получить что-то, но невозможность получить это.

Тао Му был вдохновлен предложениями двух старых художников. Люди из команды шоу с головой ушли в изменение сценария, стараясь сделать этот документальный фильм о еде более естественным, чем искусственным.

С другой стороны, после того как Чжан Дафу вернулся домой, он так и не получил от Тао Му никаких известий, несмотря на то, что прошло уже много времени. Каждый день он чувствовал себя так, словно его сердце и печень царапают, боясь, что Тао Му нарушит свои обещания, и что это дело в конце концов пойдет прахом. Вспоминая, сколько усилий он приложил, чтобы записать эту запись, а также две бутылки ликера, шесть бутылок пива и стол с жареными овощами, он чувствовал себя так, словно его сердце опустили на раскаленную сковороду с маслом, и поэтому впал в состояние, когда не может прийти в себя.

После нескольких дней постоянных страданий Чжан Дафу, наконец, не выдержал. Он взял на себя инициативу найти средства массовой информации и сообщить, что Тао Хайгуо и его жена собрали миллион человек, чтобы дискредитировать Тао Му. Он также сказал, что изначально записал запись и отдал ее Тао Му - потому что Тао Му спас его племянницу, за что Чжан Дафу был ему благодарен, поэтому он хотел отплатить Тао Му. Но Тао Му ничего не сделал после получения записи, а Тао Хайгуо и его жена продолжали клеветать на него во время интервью на телевидении и в СМИ.

Чжан Дафу сказал, что он не может понять, как Тао Хайгуо и его жена могут без зазрения совести зарабатывать деньги и причинять боль такому человеку, как Тао Му. Он также сказал, что понимает, что Тао Му беспокоится об имидже своих приемных родителей, и что он не хочет, чтобы его приемные родители постоянно подвергались критике со стороны нетизенов.

Но он не мог больше сопротивляться этому. Он не хотел видеть, как добросердечные люди проливают кровь и слезы (да, фраза, которую Тао Му поручил репортерам прокомментировать семью Чжан, теперь была непосредственно использована Чжан Дафу), и не хотел видеть, как невинные нетизены используются парой Тао Хайгуо в качестве оружия. Поэтому он встал и сообщил новость.

Он также сказал репортерам, что если они не верят, то могут обратиться к Тао Му. Тао Му действительно держал в руках эту запись. Если он лгал, значит, он не был человеком.

Слова Чжан Дафу были полны эмоций и праведности, когда он говорил. Даже Тао Му, который хорошо его знал, на мгновение был одурачен. Не говоря уже о ничего не знающих нетизенах и репортерах.

В словах Чжан Дафу Тао Му выглядел святым отцом белого лотоса, который был явно уязвлен, но не мог допустить, чтобы злодеяния его приемных родителей были раскрыты. Поэтому,

несмотря на то, что у него были доказательства его невиновности, он все равно отказался их публиковать.

Нетизены и репортеры были немедленно взбудоражены. В результате в сердце святой матери появилось сострадание к бедным и слабым, которое некуда было приложить, и гнев от того, что ее использовали, который некуда было выплеснуть. И тут же на супругов Тао Хайгуо обрушились волны бурных проклятий и обвинений, совершенно забыв, что тогда они точно так же проклинали Тао Му.

С другой стороны, репортеры с правом на интервью стекались в студию Го Янина, расположенную внизу. Когда Тао Му вышел с работы, они набросились на него, чтобы спросить, почему он отказался опубликовать доказательства того, что Тао Хайгуо и его жена были подстрекателями, чтобы дискредитировать его? Неужели он действительно заботился об имидже своих приемных родителей и не хотел, чтобы они были разоблачены и прокляты нетизенами?

Тао Му, который не знал, когда он стал представителем святого отца, смотрел на репортера с ошеломленным выражением лица: Мяу-мяу-мяу, о чем вы говорите?

<http://bllate.org/book/15151/1338131>